

А. С. Пушкин

Руслан и Людмила

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П91

П91 **Пушкин А.С.**
Руслан и Людмила / А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 50 с.

ISBN 978-5-458-14643-2

ISBN 978-5-458-14643-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

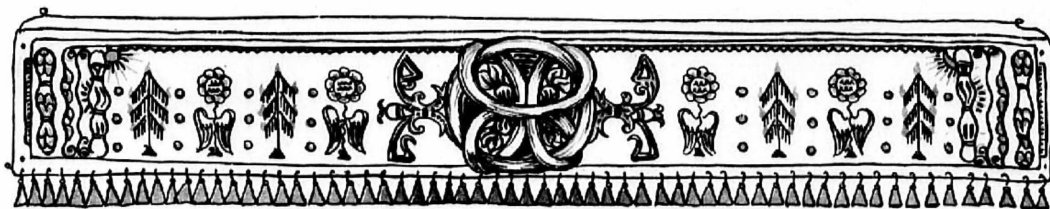

ПРОЛОГЪ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Тамъ чудеса; тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,

И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ, передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царица тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню — сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

Пѣснь первая.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ грядницѣ высокой
Владимиръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медь изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники поесли
И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невятный;
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Все смолкли, слушаютъ баяна:

И славить сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но страстью пылкой утомленный,
Не ѣсть, не пьетъ Русланъ влюбленный,
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ,
И, щипля усь отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждая мгновенья.
Въ уныньѣ съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя младае;
Безмолвны, за ковшемъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашна неприятны имъ;
Не слышатъ вѣщаго баяна,
Потушили смущенный взглядъ:
То три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ — Рогдай, вонтель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ кievскихъ полей;

Другой — Фарлаф, крикнуть надменный,
В шпрахъ икъмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Последній, полный страстной думы,
Младой хазарекій ханъ Рагмиръ.
Всѣ трое блѣды и угрюмы,
И ширъ веселый имъ не въ ширъ.

Вотъ кончатъ огнь; встають рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ приуныла,
И свѣтель радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу
Ужь близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ меду,
Съ поклономъ убрался домой.
Женихъ въ восторгъ, въ упоенье;
Ласкается огнь въ воображеньи
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій кивъ благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ, невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и почую
Лампаду зажигаетъ Дель.
Свершились милая надежды:
Любви готовятся дары:
Падутъ реишвыя одежды
На царградскіе кофры...
Вы слышите ль влюбленный шопотъ,
И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропотъ
Последней робости?.. Супругъ
Восторги чувствуетъ заранъ;
И вотъ, они пастали... Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманъ,

Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смеркло, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланъ...
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странный,
И кто-то въ дынной глубинѣ
Вывися черице млы туманной...
И снова теремъ пусть и тихъ.
Встаетъ испуганный женихъ;
Съ лица катится потъ остывшій;
Трепеща, хладною рукою
Огнь вопрошаетъ мракъ иѣмой...
О горе, шѣтъ подруги милой!
Хватается воздухъ огнь пустой;
Людмила шѣтъ во тьмѣ густой,
Похищена безвѣстной силой!

Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обивтъ влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ,
И вдругъ минутную супругу
Навѣкъ утратить... О, друзья,
Конечно, лучше бы умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастный.
Но что сказалъ великій кивъ?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распаляетъ,
Его и дворъ огнь созываетъ:
„Гдѣ, гдѣ Людмила?“ вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. — „Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги:
О, скажитесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моею!“

Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей! —
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полнарствомъ правдѣ довѣ моихъ.
Кто жь вызовется, дѣти, други?..“
— Я! молвилъ горестный женихъ.
„Я! я!“ воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Рагмиръ:
„Сейчасъ коней своихъ създаемъ,
Мы рады весь изъѣздить мѣръ;
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
Не бойся, ѣдемъ за княжюю!“
И съ благодарностью пѣмою
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоскою.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ;
Русланъ ушышемъ какъ убить;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садится на коней ретивыхъ;
Вдоль береговъ Дибѣра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли;
Уже скрываются вдаль;
Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
Но долго все еще глѣдитъ
Великій князь въ пустое поле,
И душой имъ вослѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
И мысль, и память потерявъ.
Черезъ плечо глядя снѣсно
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись, ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: „наслу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
Ужъ то-то крови будетъ течь,
Ужъ то-то жертвъ любви ревшюю!..

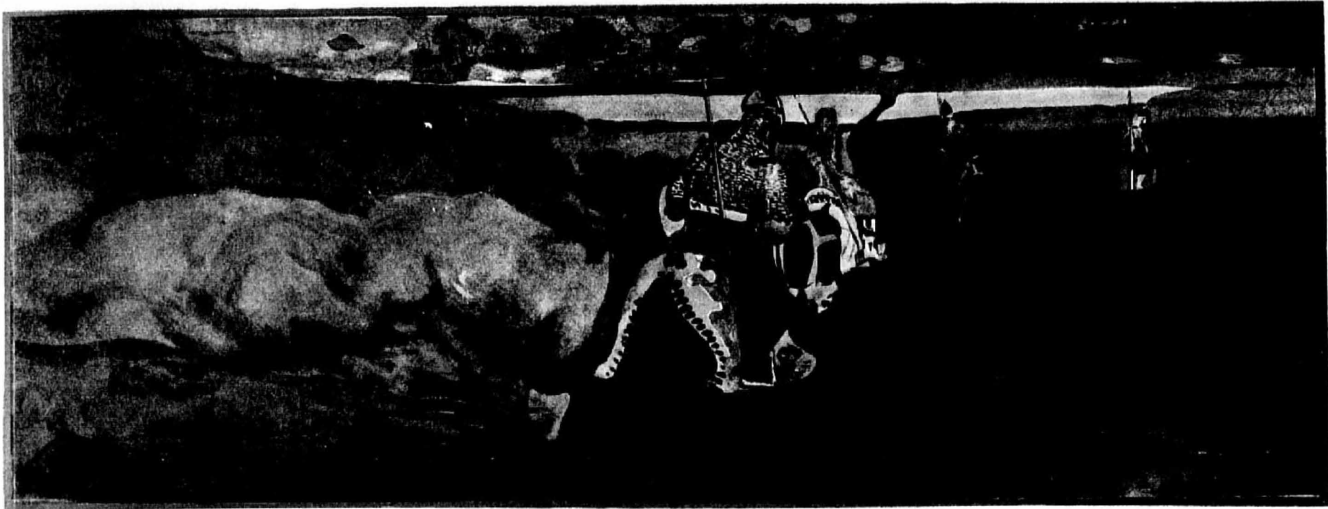
Повеселись, мой вѣрный мечъ,
Повеселись, мой конь ретивый!“

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огни надежды полонъ взоръ;
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнитъ бѣгуна злогого,
Кружитъ, подьѣмлетъ на дыбы,
Нль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдаю угрюмъ молчитъ — ни слова...
Странась невѣдомою судьбою
И мучась ревностью напрасною,
Всѣхъ больше безпокоитъ онъ,
И часто взоръ его ужасный
На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Дибѣра сталъ темень брегъ отлогий;
Съ востока льется ночь тѣнь;
Туманы надъ Дибѣромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горою путемъ широкимъ
Широкий пересѣкъся путь.
„Разъѣдемся, пора!“ сказали,
„Безвѣстной вѣрится судьбѣ.“
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнитъ видѣть ты во снѣ!
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,

И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ въра...

Но вдругъ предъ витяземъ пещера;
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
Идетъ подъ дремлющія своды,
Ровесники самой природы.

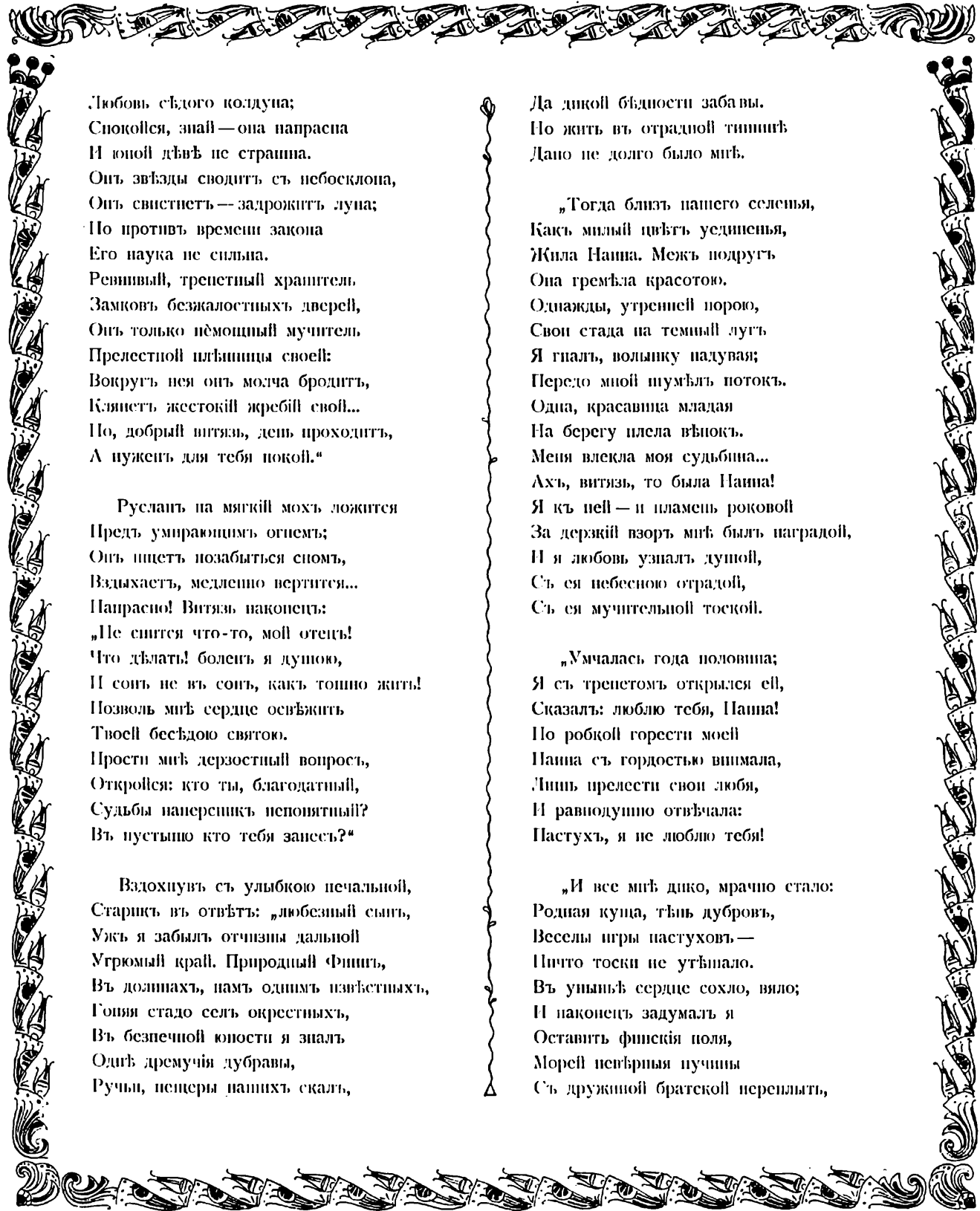
Вошелъ съ уныньемъ; что же зрѣтъ?
Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.

„Добро пожаловать, мой сынъ!“
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
„Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ;
Во мракѣ старой жизни вину;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ:
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, въ рою веселой

Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

„Узнай, Русланъ: твой оскорбитель —
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ дониндѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей!
Тебѣ сказать не долженъ болъ.
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волъ.“

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ мѣръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
На всыхнувшемъ лицѣ кручина...
„Ясна тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать“,
Сказалъ старикъ: „тебѣ ужасна

Любовь сѣдого колдуна;
Спокойся, знай — она напрасна
И юной дѣвѣ не страшна.
Онь звѣзды сводитъ съ небосклона,
Онь свистнеть — задрожитъ луна;
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онь только пѣмошный мучитель
Прелестной шлѣшницы своей:
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Кличетъ жестокии жребіи свой...
Но, добрый витязь, день проходить,
А нужеиъ дѣиъ тебѣ покой.“

Русланъ на мягкии мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ;
Онь шепетъ позабыться спомъ,
Вдыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконецъ:
„Не спитъ что-то, мой отецъ!
Что дѣлать! боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить!
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
Откроется: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсникъ неповиный?
Въ пустыню кто тебя занесъ?“

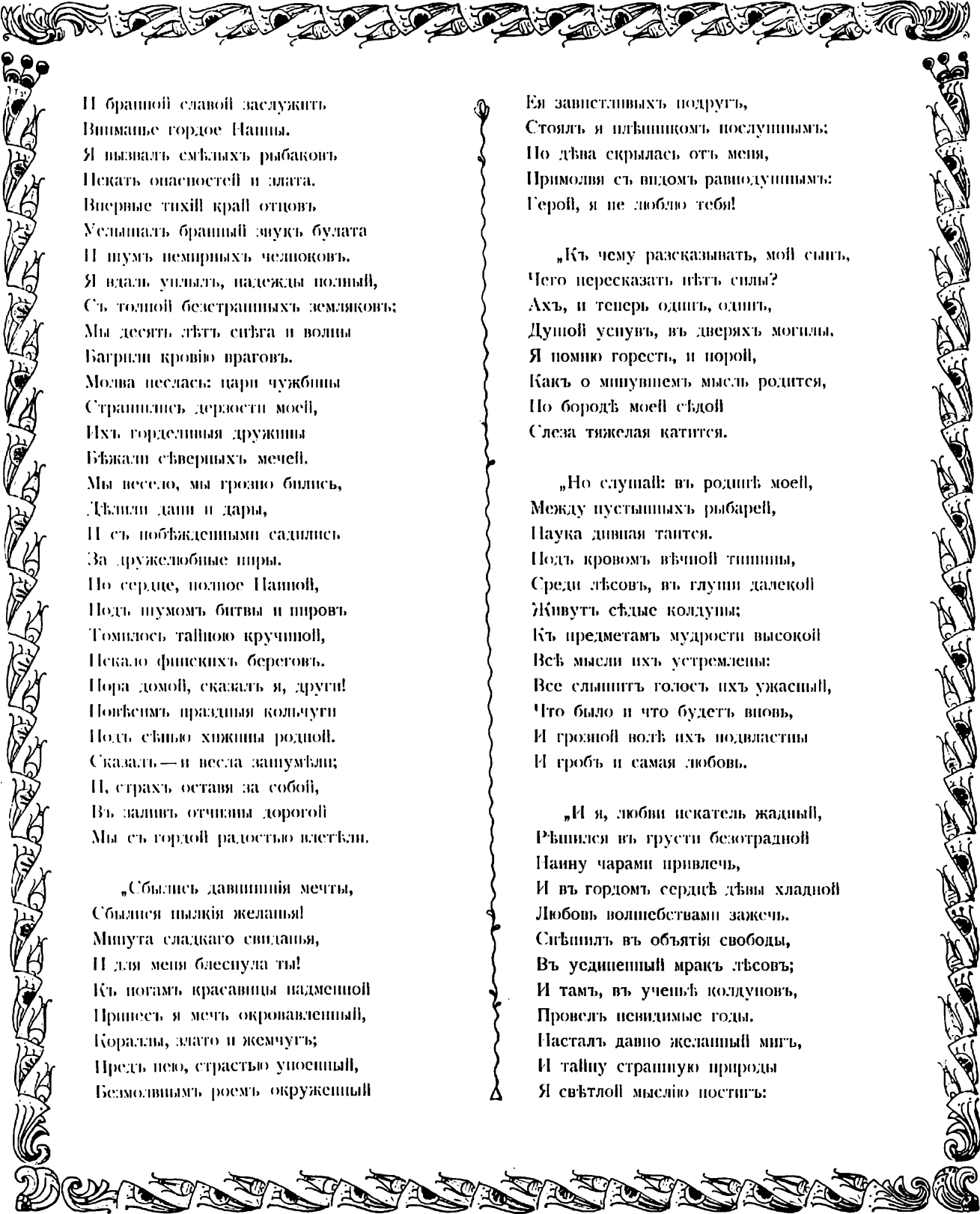
Вдохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: „любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальнѣи
Угрюмый край. Природный финнъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоня стадо сель окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,

Да дикои бѣдности забавы.
Но жить въ отраднѣи тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

„Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Нанна. Межъ подругъ
Она гремѣла красотѣю.
Однажды, утренней порою,
Свои стада на темный лугъ
Я гналъ, волнуку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Нанна!
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкий взоръ мнѣ былъ наградѣю,
И я любовь узналъ душою,
Съ ея небесною отрадѣю,
Съ ея мучительной тоскѣю.

„Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ: люблю тебя, Нанна!
Но робкой горести моеи
Нанна съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвѣчала:
Пастухъ, я не люблю тебя!

„И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куца, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ —
Ничто тоски не утѣшало.
Въ ушнѣи сердце сохло, вяло;
И наконецъ задумалъ я
Оставить финскія поля,
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братскои переплыть,

И брашней славою заслужить
Внимаше гордое Нанши.
Я называл смельчак рыбаков
Некато опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал брашней звук булата
И шум немирных челюсков.
Я вдале уплыть, надежды полный,
Съ толпой безстрашных земляков;
Мы десять лѣтъ сѣбра и волны
Багрили кровию праговъ.
Москва несла: цари чужбины
Страшились дерзости моеи,
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали свѣршыхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дань и дары,
И съ побѣжденными сажались
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наншой,
Подъ шумомъ битвы и пировъ
Томилось тайною кручиной,
Некало финскихъ береговъ.
Пора домой, сказали я, други!
Повѣсимъ праздныя кольца
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказать — и вѣсла занумѣли;
И, страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отплыли дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.

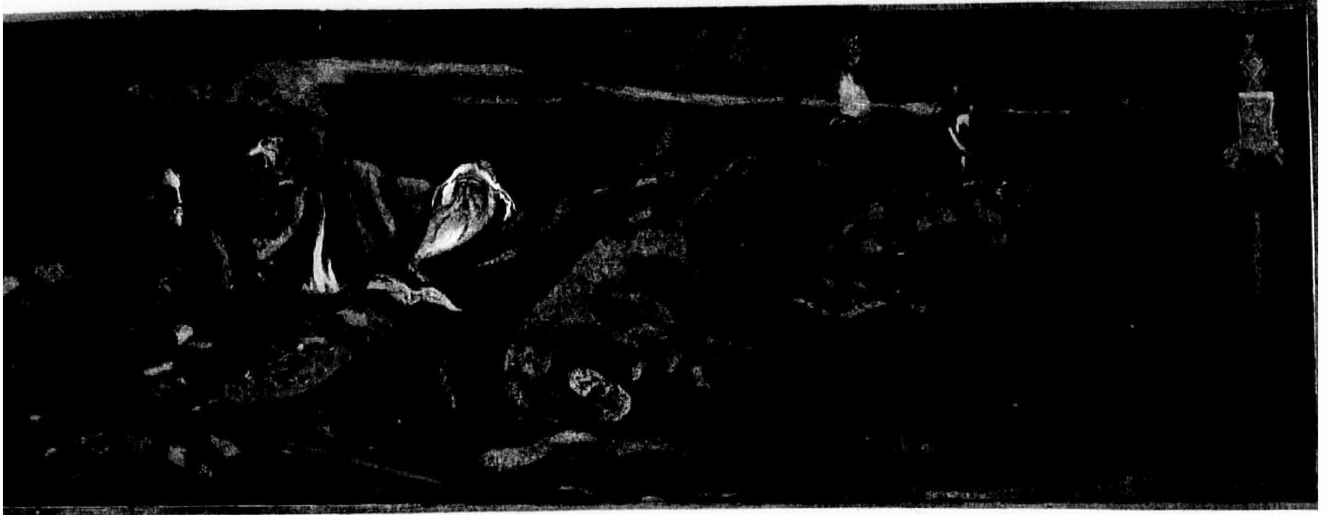
„Сбылись давнишнія мечты,
Сбылися пылкія желанія
Минута сладкаго свиданія,
И дѣла мѣня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленный,
Кораллы, злато и жемчугъ;
Предъ нею, страстью упоенный,
Безмолвнымъ роземъ окруженный

Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣшникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвя съ видомъ равнодушнымъ:
Герои, я не люблю тебя!

„Къ чему рассказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы.
Я помню горести, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
Но бородѣ моеи сѣдой
Слеза тяжелая катится.

„Но слушай: въ роднѣ моеи,
Между пустынныхъ рыбарей,
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены:
Все слышатъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ и самая любовь.

„И я, любви искатель жадный,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Нанну чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы холодной
Любовь волшебствами зажечь.
Слѣвилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьѣ колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ:

Узнать я силу заклинаньямъ;
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Нанна, ты моя!
Побѣда наша, думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

„Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылакаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ — и въ тьмѣ лѣсной
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной
Старушка дряхлая, сѣдая,
Глазами впалями сверкая,
Съ горбомъ, съ трясуцей головой,
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Нанна!
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣнѣ все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно ль! ахъ, Нанна, ты ли?
Нанна, гдѣ твоя краса?

Скажи, ужели небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно ль, остави свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно ли?.. „Ровно сорокъ лѣтъ!“
Былъ дѣвы роковой отвѣтъ;
„Сегодня семьдесятъ мнѣ было.
Что дѣлать!“ мнѣ пищигъ она,
„Толною годы пролетѣли,
Проншла моя, твоя весна —
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата,
Не то, что встарину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
За то (прибавила болтуня)
Открою тайну: я колдунья!“

„И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всею премудростью моею.

„Но вот ужасно: колдовство
Внолиť свершилось, по несчастью:
Мое съдое божество
Ко мнѣ шлоило новой страстью.
Скринив улыбкай страннаы ротъ,
Могильнымъ голосомъ уродъ
Бормочеть мнѣ любви признаье.
Вообрази мое страдаье!
Я трепетать, погуши взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелнаы, страстнаы разговоръ:
„Такъ, сердце я теперь узнала:
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для тѣбной страсти рождено;
Проснулись чувства, я стараю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди въ объятя мои...
О милнаы, милнаы, умираю!..“

„И между тѣмъ она, Руслана,
Мигала томными глазами,
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ — я обмираю,
Отъ ужаса закурю очи;
И вдругъ терять не стало мочи:
Я съ крикомъ вырвался, бѣжать.
Она воскрьдъ: „о недостойнаы!
Ты возмутить мой вѣкъ спокойнаы,
Певниной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Пашны,
И презираешь — вотъ мужинаы!
Памѣной дынуть вѣь они!
Увы, сама себя вини;
Онь обольстить мени, несчастнаы!
Я отдалась любви страстнаы!..“

Памѣшникъ! извергъ! о позоръ!
Но трепени, дѣвнић воръ!“

„Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой,
И въ мирѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветь мени могила;
Но чувства прежня свои
Еще старушка не забыла,
И пламя поднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидеть и тебя;
Но горе на землѣ не вѣчно“.

Пашнѣ витязь съ жадностью внимать.
Разказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкать,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слышать,
Но день блистаетъ лучезарнаы...
Со вздохомъ витязь благодарнаы
Объемлетъ старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ вошь. Ногами ступилъ
Руслана заржаннаго коня;
Въ съдѣть оправился, присвистнулъ:
„Отець мой, не оставь мени!“
И скачетъ по пустому дугу.
Съдой мудрецъ младому другу
Кричитьъ воскрьдъ: „счастливаы путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!“